

Чернова, М.С. Творческая индивидуальность Ф.М. Достоевского в оценке С.Н. Булгакова / Ф.М. Достоевский в современном поликультурном пространстве : сб. науч. трудов / под общ. ред. Т.В. Сенькевич. – Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2012. - С.197-201.

М.С. Чернова
(Могилев)

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ОЦЕНКЕ С.Н. БУЛГАКОВА

Эпоха религиозно-культурного ренессанса конца XIX - начала XX в. - это «золотой век» русской философии и философской критики. Одним из наиболее ярких ее представителей был С.Н. Булгаков. Он сосредотачивал внимание на тех аспектах мировоззрения и творчества писателей-классиков, которые непосредственно выходили на уровень вечных философских вопросов: он выделял и осмысливал в художественных произведениях проблемы глобальные, метафизические. Поэтому критические суждения Булгакова дают возможность раскрыть тот масштаб русской литературы, который позволил ей приобрести мировое значение.

В своей литературно-эстетической концепции он руководствовался, прежде всего, этическими критериями. Исходя из созданного им учения о софийности, Булгаков определял сущность и назначение искусства, которое связывал с подвижническим служением его деятелей Высшей Истине, Добру и Красоте. Образцом такого искусства для него было творчество Ф.М. Достоевского.

Талант Булгаков считал Божественным даром прозрения идей Высшего мира, который раскрывается в творческой индивидуальности деятеля искусства. «Талант есть способность воспроизведения метафизического откровения Премудрости Божьей в разных формах: религиозной - в виде мифов и символов, философской – в виде гениальных интуиции философских гениев, художественной - в творениях искусства», - писал Булгаков в работе «Свет невечерний» (1917) [1, с. 158].

Главный признак таланта - философичность - он вывел, анализируя творчество Достоевского. В лекциях-статьях «Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип» (1901) и «Венец терновый» (1907) Булгаков отметил способность романиста ставить проблемы «вечные», волнующие мыслящего человека во все времена: о Боге, о вере, о бессмертии души, о добре и зле, о смысле жизни. А во вступительной статье к юбилейному изданию собрания сочинений Достоевского «Через четверть

века» (1906) Булгаков подчеркнул, что Достоевский стал писателем-философом в силу понимания, что «только о Боге и религиозной идее в конце концов нужно и стоит мучиться» [2.с.VII]. Наибольшую глубину проникновения в вопросы веры и безверия критик признал за романом «Бесы». Это убеждение Булгаков сохранил и ко времени последнего своего выступления о Достоевском «Русская трагедия» (1914), где он подвел черту в своих рассуждениях о Достоевском-философе. Он назвал его религиозным мыслителем, которого всю жизнь «Бог мучил». «Все его романы, в сущности, написаны о Христе», - так определил Булгаков содержание творчества Достоевского [3. Т.2, с.502].

Специфика творческой индивидуальности Достоевского нашла выражение в созданном им особенном образе – «философском типе». Таким «философским типом» Булгаков считал Ивана Карамазова. «Это не столько живой человеческий характер, сколько живой дух, отвлеченная проблема», - подчеркивал он в своем первом выступлении о Достоевском [3. Т.2. с.39].

В этой же статье Булгаков заметил: «Как-то странно и неуместно говорить о недостатках формы, когда речь идет о таких колоссальных произведениях, как «Братья Карамазовы». Они сами себе закон, и разумной критике следует ограничиться относительно их только констатированием фактов, возможно полным раскрытием художественного замысла». «Фанатикам формы есть от чего прийти в справедливое негодование», - замечает Булгаков [3. Т.2, с.32]. Критик словно упрекнул Достоевского в том, что, создавая художественные образы, он не отказывался от единичного, тогда как философская природа его таланта требовала концентрации внимания на том, что составляло общее. Однако сам писатель всегда стремился понять сущность явления, постичь его неповторимость, открыть черты, присущие только ему, т.е. показать в общем явлении диалектическую взаимосвязь индивидуального и общего.

Недостатки у Достоевского-художника находили критики и до Булгакова. Американский исследователь Р.-Л. Джексон назвал имя того, кто первым упрекнул романиста в том, что он «не умеет так хорошо писать, как Гончаров, Тургенев, Толстой». Это ... сам Достоевский! Джексон объясняет такое самокритичное замечание автора «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» завышенными критериями в отношении себя как художника, с одной стороны, а с другой, - осознанием своего творческого метода, фантастического реализма, который выводил его за пределы традиций, сложившихся в русской литературе [4.с.215]. Постоянный поиск формы Джексон назвал «самым значимым парадоксом и испытанием» Достоевского.

К концу XIX в. в русской критике не оспаривалось значение Достоевского как непревзойденного писателя-психолога. Но продолжал

дискутироваться вопрос о «направлении» психологического анализа в его произведениях. Критики различных направлений объявляли его родоначальником новейшей литературы, которая, по их мнению, характеризовалась повышенным интересом к болезненным сторонам человеческой психики, мистицизму, уходом от сложностей жизни в мир подсознательного. В этих дискуссиях Булгаков защищал свою позицию.

Он обуславливал психологизм Достоевского, прежде всего, его христианским мировоззрением: признавая и отстаивая идею равенства всех людей и каждой личности перед Богом, писатель раскрывал состояние души человека, способного воспринимать «последние проблемы бытия» и метафизические вопросы как «живую непосредственную реальность». Булгаков подчеркивал, что Достоевский, как никто другой, умел показать сложный процесс поиска ответов на эти «последние метафизические вопросы». Именно в способности описывать этот процесс критик усматривал главную особенность Достоевского-психолога. В лекции-статье «Русская трагедия» он уточнил, что психологический анализ в произведениях Достоевского был направлен на достижение «высших реальностей в символах низшего мира» [3. Т.2, с.501].

Но внутренний мир личности невозможно свести только к этическим исканиям. Он тысячами нитей связан с внешним миром, в котором человеку суждено жить. Достоевский был психологом не только в узком, но и в широком смысле этого слова. Оставаясь писателем «текущей действительности», через «глубины души человеческой» он исследовал окружающую действительность во всей ее сложности, противоречивости, трагичности. Тем самым, Булгакову, как и главным его оппонентам в дискуссиях о таланте Достоевского, не удалось преодолеть метафизический подход к проблеме психологизма в творчестве писателя.

Русская критика неоднократно отмечала трагический характер творчества Достоевского. Булгаков считал упрощенными суждения марксистов, которые повторяли вывод Н.К. Михайловского о том, что трагический талант писателя, лишенный общественной значимости, переродился в больной и жестокий.

Булгаков был убежден, что трагическое в творчестве Достоевского тоже определяется его религиозным мировоззрением. С этой точки зрения, именно автор «Идиота» и «Братьев Карамазовых» является тем писателем, чье творчество отвечало задачам искусства в том высоком смысле, как понимал его Булгаков.

Интересно в этой связи сравнить его представление о трагическом как в творчестве Достоевского, так и в искусстве в целом с трактовкой категории трагического Г.-Ф.Гегеля. Немецкий философ расшифровывал эту эстетическую категорию как «трагическое нарушение существующего

порядка вещей субъектом или героем, активным и волевым по своей натуре, что вело его к страданию и гибели» [5, с.582]. По Гегелю, трагедия возникает в результате диалектической борьбы противоположностей: свободы и необходимости, внутреннего и внешнего.

Трагическое в жизни человека и мира начинается, по Булгакову, с момента их «отпадения от Бога». Поэтому «трагическое» трактуется им как категория, прежде всего, философская. Она, с его точки зрения, обозначает состояние человека и «оторвавшегося от Бога падшего мира вообще». Сам философский талант подсказывал Достоевскому предмет художественного осмысления – это антиномии созидание-разрушение, добро – зло, Бог – дьявол, свобода в Боге – рабство у Сатаны. Поэтому, исследуя проблему веры и неверия в своих романах, Достоевский показал, что «отпадение от Бога» закономерно и необходимо ведет героев к трагической катастрофе. Следовательно, делает вывод Булгаков в лекции-статье «Русская трагедия», «Бесы», как роман, ставящий и разрешающий религиозные вопросы, представляет собой трагедию. Трагическая вина героев Достоевского состоит в том, что все они соблазнены "многоликим злом", они не с Богом, а потому все неминуемо движутся к саморазрушению и гибели.

Однако трагическое у Достоевского не безысходно, подчеркивает Булгаков. И здесь он подходит к одной из важнейших характеристик трагического – катарсису. По Аристотелю, катарсис – это высшая форма трагического, потрясающая читателя-зрителя и вызывающая у него нравственные страдания, через которые происходит нравственное очищение. Булгаков уточнял, что нравственное очищение возможно только через религиозное возрождение человека, возвращение его к Богу. Но такого рода катарсис может быть вызван только произведением, автор которого обладает безошибочным религиозным чувством, и этим писателем для Булгакова, безусловно, был Достоевский. «Для него есть только одна правда жизни, одна истина – Христос, а потому и одна трагедия – не вообще религиозная, но именно христианская», – заключает автор лекции-статьи [3. Т.2, с.501]. Булгаков, исходя из своей философско-религиозной эстетики, связывал катарсис в трагических романах Достоевского с осознанием его героями, а вслед за ними и читателями, что исцеление «многострадальной души» возможно только «у ног Иисусовых» [3. Т.2, с.526].

С психологизмом Достоевского Булгаков неразрывно связывал гуманизм писателя, который проявился, прежде всего, в постановке вопроса «о невозможности и недопустимости обретения всеобщей гармонии ценой жизни пусть самого никчемного человека» [3.Т.2, с.23]. В эпоху распространения атеистических теорий именно христианский гуманизм Достоевского придавал его таланту общественную значимость,

подчеркивал Булгаков, опровергая заявление А.М. Горького о Достоевском - «злом гении».

Вряд ли можно согласиться с Булгаковым, что содержание романов Достоевского сводится только к религиозной проблематике, а трагический талант писателя объясняется его собственным духовным складом. На страницах своих произведений он размышлял о Боге, о трагедии утраты человеком нравственного абсолюта, но, вместе с тем, он иллюстрировал трагические противоречия жизни и был не только трагиком-психологом, но трагиком-социологом.

Значимым для характеристики творческой индивидуальности Достоевского Булгаков считал найденный писателем виртуозный драматический прием – «монолог в диалогической форме», который позволял показать раздвоенность сознания персонажа. Важно подчеркнуть, что Булгаков один из первых отметил использование Достоевским средств драмы для раскрытия внутреннего мира героев. Еще в 1901 г. он очень близко подошел к определению особого жанра, созданного Достоевским, который в 1911 г. Вяч.Иванов назвал романом-трагедией.

Булгаков, который был, прежде всего, философом, естественно сосредоточил внимание на одной стороне таланта Достоевского – философской, а потому не смог преодолеть односторонности, свойственные русской критике. И хотя не все суждения Булгакова о Достоевском воспринимаются сегодня как бесспорные, он был прав в главном: творчество Достоевского будет необходимо людям во все времена, потому что никогда они не перестанут искать ответов на «последние вопросы бытия».

Литература.

1. Булгаков, С.Н. Свет Невечерний / С.Н. Булгаков - Сергиев Пасад, 1917.
2. Булгаков, С.Н. Через четверть века / Достоевский Ф.М. Юбилейное собр. соч.-СПб., 1906. - С.III-XL.
3. Булгаков, С.Н. Сочинения в 2 т. / Булгаков С.Н. - М., Наука, 1993
4. Jackson, R.L. Dostoevsky's Quest For Form. A Study of His Philosophy Of Art / R.L. Jackson – New Haven and London? 1966. 312 p.
5. Фегель Г.В.Ф. Эстетика. - М., 1971. Т.3. с.572-616.